

Мне уже надоели шутки насчёт моей свадьбы, и я шлёпнула его: «Несешь всякую чушь! Не боишься, как бы я не пожаловалась родителям? Вот отец тебя отругает — сразу всё запомнишь!»

Ли Жуй усмехнулся, молча проглотил несколько кусочков, хлебнул вина и с ухмылкой предложил: «Погода потеплела — самое время для поло. Давай назначим день и посоревнуемся? Говорят, ты в последнее время усердно тренируешься, может, даже меня обгонишь.»

Я покосилась на него: «С тех пор как ты покинул дворец, носишься как дикий конь, тебя и найти-то сложно. Что это ты вдруг вспомнил обо мне? Наверное, что-то задумал.»

Ли Жуй рассмеялся: «Ты моя единственная сестра, разве я не могу о тебе думать? Какие там планы! Говоришь совсем неласково.» Тут же положил мне в тарелку кусочек рыбы, обмакнув в соус. У меня в последнее время было много забот, и я искала повод развлечься. Глядя на его услужливость, я нехотя согласилась, но вспомнила кое-что и спросила: «Тогда, в округе Жу... Ты говорил мне об одном деле. Что-нибудь прояснилось?»

Ли Жуй замер, понял, о чём я, наклонился к самому уху и прошептал: «Только никому не говори — та особа умерла от болезни. Старший брат подавал прошение, чтобы отец пожаловал ей посмертный титул, но матушка не позволила и велела выбросить тело в общую могилу. Хотя у старшего брата родился внук и отец хотел пожаловать ему титул цзюньвана, из-за этого случая передумал. Разве ты не заметила, что даже рождение внука почти не отмечали?»

Меня охватили ужас и изумление. Я схватила его за руку: «Откуда ты всё это знаешь? Почему я ни о чём не слышала?»

Ли Жуй усмехнулся: «Ты женщина, живёшь в глубине дворца, как тебе сравниться со мной, князем, у которого собственный дом и чиновники?» Я щипнула его за бок. Он скривился и признался: «Мои подчинённые рассказали. Эти слухи уже по всему внешнему двору пошли. Ты правда ничего не слышала?» Увидев моё лицо, успокоил: «Наверное, ты ещё мала, вот и не решаются тебе говорить.» Меня это так взбесило, что я снова его ущипнула. В этот момент принцесса Яньань, сидевшая рядом, с улыбкой заметила: «Сыцзы и шестой принц — какие вы близкие брат с сестрой.»

Мы с Ли Жуюем замерли. Я опустила голову, стараясь выглядеть скромно, а Ли Жуй, напротив, возвёл себя в сан князя, величественно кивнул ей и сказал: «Почтенная тётушка.»

Отец с улыбкой промолвил: «Они всегда были такими. Ли Шэн тоже с ними очень близок.»

Услышав своё имя, Ли Шэн улыбнулся отцу, потом обернулся и улыбнулся нам. Все присутствующие тут же подхватили: «Братская любовь и почтительность — вот проявление добродетели императорского дома!»

Принцесса Яньань дождалась, когда все смолкнут, и с улыбкой произнесла: «Братская любовь и почтительность — дело, конечно, хорошее. Но Сыцзы уже подрастает, и, возможно, брату с сестрой стоит быть осмотрительнее. Я не говорю, что они плохо себя ведут, но боюсь, что могут пойти пересуды. Потому и прошу Ваше Величество повелеть им сидеть отдельно.»

Брови Ли Жуя нахмурились, он тут же хотел возразить, но я толкнула его коленом. Я встала на колени, сложила руки в поклоне и с улыбкой обратилась к принцессе Яньань: «Благодарю почтенную тётушку за напоминание. Шестой принц лишь хотел сказать мне пару слов, сейчас же уйдёт.»

Ли Жуй тоже неохотно поклонился: «Жуй принял наставление.»

Весёлый пир после вмешательства принцессы Яньань повис в гробовой тишине. А она сидела с безмятежным видом, будто совершила великое благое дело. Лишь благодаря двум моим добрым тёткам, которые стали заглаживать неловкость, атмосфера снова оживилась. Однако Ли Жуй, вернувшись на своё место, сидел с каменным лицом и больше не проронил ни слова. Мне тоже было не по себе. Я украдкой взглянула на матушку и заметила, что она несколько раз посмотрела на принцессу Яньань. Выражение её лица не менялось, но каждый раз после этого она отпивала вина. За вечер она выпила много, и к утру, когда пир закончился, была уже совсем пьяна. Туаньэр, Ваньэр и несколько служанок поддерживали её, пока она шатаясь покидала зал.

Моё тело всегда было довольно слабым. После бессонной ночи и выпитого вина я едва держалась на ногах, голова кружилась, не было сил. В глазах всё плыло, будто от усталости, но когда служанки уложили меня в постель, заснуть не удалось. Стоило закрыть глаза, как на меня накатывало множество дел. Но если я пыталась в них разобраться и всё уладить, они тут же ускользали.словно те рыбы в реках округа Фэнчжоу, про которых говорят, что они на поверхности воды густы, как каша, и, кажется, можно ловить руками, а на самом деле это всего лишь слухи, и до них не достать. Вспомнив об округе Фэнчжоу, я подумала об А-Ян. Матушка приказала мне подписать указ о её казни палками, но я до сих пор не написала ни иероглифа. Чем дальше тянется, тем больше риск, что матушка разгневется. А если всё-таки придётся писать — рука не поднимается. В крайнем случае, можно будет попросить Вэй Хуань написать вместо меня.

Кстати, после ареста А-Ян у меня во дворце осталось лишь три приближённые служанки: Сун Фою, Ван Сюй и Вэй Хуань. Вэй Хуань недавно получила полномочия ведать деревянным ящиком для доносов. Наверное, сейчас она на пике влияния? Интересно, воспользуется ли она этим случаем, чтобы избавиться от соперниц?

Я, конечно, не боюсь, что Вэй Хуань станет устранять соперниц. Как говорила матушка, эти люди — совсем другого поля ягоды. Даже если Вэй Хуань сумеет всех подчинить, стоит мне сказать слово — и всех заменят. В конце концов, это всего лишь служанки. В двух столицах десятки тысяч дворцовых слуг, кого только нет! Тем более, есть ещё Сун Фою. Мне просто любопытно, что Вэй Хуань задумает дальше. Проведя много времени с дочерьми чиновников, я поняла, что моё первое впечатление о них было почти полностью ошибочным. Сначала я думала, что сёстры из рода Цуй должны быть высокомерными и умными, сёстры из рода Фан — скромными и сдержанными. Пэй Ланьшэн, чей отец был главнокомандующим военного округа, должна быть такой же отважной и образованной, как Дугу Минь. Госпожа Ван, состоящая в родстве с бывшей императрицей, должна быть бесстрастной и осмотрительной. Вэй Синь и Вэй Хуань — из боковой ветви знатного рода, и в общении с другими должны чувствовать себя неловко. Но теперь я вижу: самые высокомерные — это как раз сёстры из рода Фан, чей отец пострадал из-за мятежника Цинь и лишь недавно был восстановлен в должности. Самая бесстрастная — Цуй Мин-дэ. Пэй Ланьшэн, дочь военачальника, оказалась консервативной и чопорной, каждое движение должно соответствовать ритуалу. Вэй Хуань, самая низкородная из всех, ведёт себя смелее всех. Хотя, если посмотреть с другой стороны: род Цуй Мин-дэ и так невероятно могуществен, им не нужны внешние атрибуты и слава для самоутверждения, потому её бесстрастность вполне естественна. Вэй Хуань же происхождением не вышла, и если не рискнёт — никогда не выбьется в люди. Потому её расчётливость объяснима, особенно учитывая, какой у неё брат и мачеха.

Думая о семействе Вэй, я даже почувствовала жалость к Вэй Хуань. Судя по поступкам старшего брата Вэй, она, наверное, могла бы убить его своими руками. Но в рамках нынешних

родовых законов Вэй Хуань всё равно вынуждена зависеть от семейства Вэй, от Вэй Сюаньчжэня и старшего брата Вэй. Когда она преуспевает, Вэй Сюаньчжэнь и старший брат Вэй не преминут получить свою долю наследственных привилегий и наград. А если она потерпит неудачу — боюсь, эти люди только обрадуются и наступят на неё. С такими родными Вэй Хуань действительно не просто было стать такой, какая она есть.

Небо светлело. Обычно в это время во дворце уже сновали слуги, но сейчас стояла непривычная тишина. Вчера отец издал указ: всем во дворце, кроме патрульных и дежурных, дать выходной, пожаловать вина и еды — праздновать вместе с императором и императрицей. В такой час во дворце почти не осталось трезвых.

Спать совсем не хотелось. Я накинула одежду и вышла, погружённая в мысли, обойдя вокруг Террасы Личунь. Очнувшись, обнаружила, что нахожусь недалеко от покоев Вэй Хуань. Сердце ёкнуло, и я направилась напрямик к её комнате.

В прошлом году Вэй Хуань ещё жила вместе с другими служанками. В этом году, по приезде в Восточную столицу, я специально отвела ей комнату в восточном флигеле. Сун Фою, поняв моё намерение, приставила к ней маленькую служанку для уборки — так её отделили от прочих дворцовых служанок.

Комната Вэй Хуань была в самом восточном конце восточного флигеля. Я сама это видела и знала, что окно выходит с той стороны. Потому, ещё издали обойдя, я заметила, что окно приоткрыто. Насторожилась, на цыпочках подкралась, присела под окном и заглянула внутрь. Вэй Хуань сидела на кровати, поджав ноги, и читала.

Рядом с ней стояла дворцовая лампа, на фитиле лишь изредка вспыхивал огонёк, и вскоре он окончательно погас. Я увидела, что масло уже выгорело, — значит, горела всю ночь. Удивилась. Приподняла голову, чтобы разглядеть получше, как вдруг Вэй Хуань потянулась и повернулась, чтобы поправить фитиль. Увидев в окне чей-то силуэт, она громко крикнула: «Кто там?»

Я в смущении поднялась: «Это я.» В спешке ударила головой о оконную раму, скривилась от боли, ноги подкосились, и я снова присела, схватившись за голову. Слезы навернулись на глаза.

<http://bllate.org/book/16278/1466262>